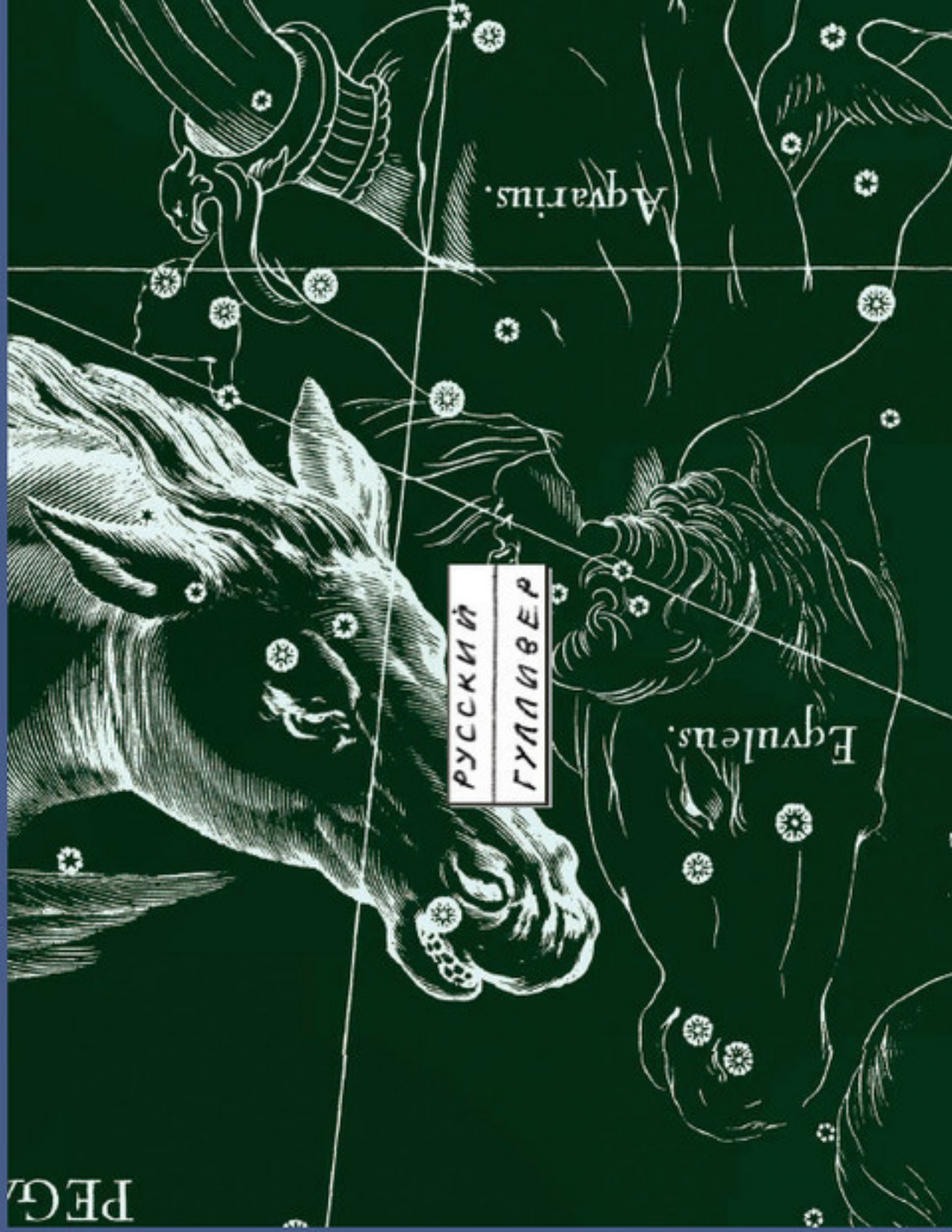

ВИКТОРИЯ АНДРЕЕВА

К НЕБУ ПОБЛИЖЕ

13

СЕРИЯ

МЕМОРИАЛЬНАЯ

Виктория Андреева

К небу поближе

ИП «Центр современной литературы»

Андреева В.

К небу поближе / В. Андреева — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-103-4

Стихи Виктории Андреевой, написанные в России до эмиграции, в годы эмиграции и по возвращении в Россию, на языке образов, принадлежащих городу и миру, рассказывают о тонких, неуловимых движениях души, которые обычно не удастся зафиксировать словом. Поэт соизмеряет душу человека со вселенной, в которой он живет, и говорит на языке, снимающем границу, отделяющую внутреннее пространство от внешнего. Бесконечность мира и конечность человека меняются местами, сливаются воедино.

ISBN 978-5-91627-103-4

© Андреева В.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

О поэзии Виктории Андреевой	5
Мерцание света	7
«квадрат печали грустен и высок...»	11
«стрекочущий мотив судьбы...»	12
«возвращение из леса...»	13
Три дня осени	14
«когда сонет протянет руку с пеплом...»	15
«посмотри на небо...»	16
«звезд мерный холод...»	17
«Рамо порхающая муза...»	18
«ты – формы слепок...»	19
из петербургского цикла	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Виктория Андреева К небу поближе

О поэзии Виктории Андреевой

Имя Виктории Андреевой ассоциируется с двуязычным журналом «Гнозис», с «Антологией современной американской и русской литературы, графики и живописи», со статьями о современной русской и западной литературе, со стихами, прозой, переводами современных западных поэтов. Ее эстетическая и поэтическая позиции вполне артикулированы. Это – мета-реализм, творческий прорыв в область трансцендентного. Она прекрасно демонстрирует умение заглянуть за пределы явленного и передать это в прозрачных, «настроенных по ветру снов» стихах. Виктория Андреева – поэт искушенный и ненавязчивый. Ей присущи собранность, такт и рефлексия. Культурно освоенное пространство ее стиха органично впускает диссонанс, перебои дыхания и ритма, характерные для модернизма. Эту поэзию не спутаешь ни с чьей другой, она отличается «лица необщим выраженьем». Андрееву называют герметическим поэтом, хотя на первый взгляд ее стихи могут показаться обманчиво доступными – и в этом смысле они очень московские. Виктория Андреева была не громким, но полноправным участником московского литературного подполья, будучи дружески или опосредованно, через друзей, связанной со многими литераторами того легендарного периода. Она была одной из первых, кто заявил о существовании нового поэтического пространства. Ее статья о московской и питерской поэзии «В малом круге поэзии» была в 1978 году опубликована в нью-йорк-

ском «Новом русском слове». Имена Станислава Красовицкого, Леонида Аронсона, Генриха Худякова, Анри Волохонского прозвучали в ней с полным уважением, которого достойны эти поэты.

Виктория Андреева выросла в Замоскворечье. Московский университет был ее alma mater, а позднее она училась в докторской программе Нью-Йоркского университета.

Стихи, проза и эссеистика Андреевой печатались в периодической печати в Москве, Париже, Нью-Йорке, Лос Анжелесе, Филадельфии. Книга ее стихотворений «Сон тверди» вышла в Нью-Йорке. Среди других ее публикаций – двуязычная книга стихотворений в переводе замечательного английского поэта и переводчика Ричарда Маккейна «Телефонный роман» и пьеса «П.Я. Чаадаев».

Аркадий Ровнер

Мерцание света **О стихах Виктории Андреевой** **(в сокращении)**

*Поэт всегда – странник. Он – трепетно здесь, но всегда больше
«за»...*

...за холмами, за горами в мирах Несбывшегося.

(А. Грин)

*Мне вдруг стало казаться да мне стало казаться
Что я только лишь гостя в этой странной
стране...*

Виктория Андреева

С чем мне связать стихи этой женщины с таким тонким иудейским, или итальянским лицом, появившейся на пороге моего дома в Томилино, в окружении своего мужа и сына лет двенадцать тому и так радостно удивившейся букетику незнакомых ей фрезий, которые моя жена подарила ей?.. С чем же связались в моей памяти ее строки? С прозрачными ли овидями Прованса? С терракотовыми их холмами? С крылатыми ли пиниями генуэзских побережий? А, может быть, с многоэтажными каменными призраками ночного Манхэттена, или с забытыми людьми и Богом русскими церквями и деревнями – под нетопырями осенних туч?

* * *

Вытолкнутые советским духовным прессом на Запад, лет за двадцать до нашей встречи, после эмигрантских мытарств (особенно нелегких для гуманитариев), преподавая и выпуская при этом литературно-философский журнал «Гнозис», встречаясь с последними могиками русской эмиграции первых волн, но так и не вписавшись в контекст жизни «Американской империи», они вернулись в бурно меняющуюся Россию 90-х.

Что же принесли с собой эти странники, казавшиеся нам уже немного иностранцами? Виктория прочитала стихи, и они сразу поразили своей грациозной прихотливостью, акварельной зыбкостью образов и картин. Скрипичностью звука и прозрачной печалью. «Монтеверди»... «Сон тверди» – переливались имена и названия.

лаванды терпкая печаль
сухая прелесть иммортелей
растрескавшиеся пленеры
прованса —
неба
сиреневая пастораль

«Сон тверди»

Нам с женою и сыном – «подмосковным коктебелам», поклонникам Макса Волошина, открытым душой Средиземноморью – все это было интимно близко:

ритмичное дыханье гор
их закругление туманно
явление их отчасти странно
для жителя равнин и дол
их гобеленная печаль
плывет заплаканно и строго
мечтательным подножьем Бога
в холодную как бездна даль
и в этом долгая услада
для вечеряющего взгляда

«Пятна света»

Строчки являлись легко как жест руки – анжамбеманы, ассонансные, как бы необязательные созвучия вместо рифм, отзвуки французской речи – школа новых поэтов и в то же время классическое целомудрие души, избегающий тяжких соблазнов постмодерна.

В ее поэтический опыт органично вошла поэзия целой плеяды поэтов русской эмиграции и особенно русских парижан 1920-х и 1930-х годов – стихи, ранее у нас неизвестные. Ей были близки такие имена как Адамович, Поплавский, Червинская.

...А вот я смотрю стихи юной Виктории, 60-х годов, когда казалось «все начиналось» в расселинах льдов советской «Утопархии», представлявшихся вечными. В Москве тогда закипали художественные течения, возникали литературно-философские кружки, поэты вырывались со стихами на площадь Маяковского.

Читаю стихи Виктории из тогдашнего сборника «Нафталиновый Пьеро»:

мне – белый флаг надежд,
мне – в поле сирый ветер,
протянута рука из под полы
одежд
мне – робкие стихи, неверные
обеты
и зыбкие мечты передрагсветных звезд

И, конечно, вспоминается страннический венок Макса Волошина:

в мирах любви – неверные кометы
закрыт нам путь проверенных орбит...

Это странничество, бесприютность на земле, что в России, что на Западе – постоянный мотив лирики Виктории Андреевой.

А здесь юная Виктория как бы роднится с ушедшей к тому времени Ахматовой, может быть, уже видя себя в Париже:

...мир без тебя —
как это просто:
сырой и будний блеклый день
и на трамвайной остановке
поземкой мартовской метель
и снега черная каемка
и я, как ты, с парижской челкой

«Нафталиновый Пьеро»

А вот и московское детство. Ведь детство для каждого поэта —
«Ковш душевной глубины»:

чулан в котором помнится когда-то
хранилось платье бабушки Агаты
и шепот музыки как нафталиновый шорох
и вечное брюзжание часов
<...>
и занавеску ветер чуть колышет
и кто-то в кресле спит почти не дышит
не слышно в комнате ничьих шагов
лишь слабый и полузабытый
знакомый с детства аромат духов

(Там же)

Но «Кружится волчок, кружится волчок!». Парки неумолимо прядут свою пряжу, ведут нити... Франция, Италия, Соединенные Штаты – труды, дни, разочарования, вечные тяготы быта. Тесные эмигрантские мирки, друзья и враги... Но дух поэта не поддается. Один из ярких лирических бросков – стихотворение «Двоится линия холма». Это внутреннее возрастание несмотря на громадные противодействующие силы социумов, толп, потоков оглушения в мире «глобальной деревни», враждебной рвущейся к высям душе:

двоится линия холма
круги кольцуют атакуя
и центром мощного ствола
упруго крону неба рву я
и каждой клеткой веткой я
вверх рвусь извилисто минуя
препоны тлена и огня
макушкой острою ликуя
я – дуб восставший на дыбы
пятою землю попирая
корявые мои листы
непрощенные гости рая...

«Сон тверди»

Города, океаны, страны потоки карусели людей, судеб. Чужие стены потолки, пейзажи...
За окнами – чужая жизнь:

три птицы сбившись
вкруг заемного уюта
три горьких пленника
безрадостной судьбы
мы стены слушаем
мы вдумываемся в сны
разгадываем
криптограммы звука

чтоб века этого оскал безумный
означить в назидание другим

«Лето в доме м-ра Томпсона в Сассексе»

И вот Виктория с семьей уже в России, в круговерти события нашей жизни, и снова бесконечная редакторская, переводческая работа, иногда стихи, редкие выступления, но все же здесь родной язык и хоть замороченные, очумелые, но свои, российские, порой склоняющие к певучей строке ухо человека... Москва.

Приведем отрывок одной из поэтических вершин Виктории, маленькой поэмы «Монтеверди». Это вечный средиземноморский миф о любви – миф об Орфее и Эвридике. Он весь звучит как бы старинной музыкой, ее дальней прелестью:

...ах! надежды позади
ах! печали впереди
зыбок этой жизни сон
горек этот миг
терпкость ветра
нежность дня
тихая улыбка dalej
окрыленные печалью
высота и глубина...
.....
Эвридику ждет Орфей
отпусти нас царь теней!

<...>

прочь от вод холодной Леты
двое бродят в пятнах света
свет ликует и поет
Эвридике светлым эхом
песни звонкие прядет...

«Монтеверди»

* * *

Виктории уже нет с нами. Царь теней забрал ее. Но светлое эхо напева ее строк – здесь... Пятна света среди тьмы прошлого и настоящего века. И этот «Сон тверди» – казалось, непробудный – освещен тихим светом ее глаз. И освящен любовью.

Марк ЛЯНДО

«квадрат печали грустен и высок...»

квадрат печали грустен и высок
и стрелы ветра холодят висок
и обреченность дышит в волнах света
в зеленом вздохе трав
в округлости наивной
лета
в пунктире
птичьих криков
в прямолинейности цветов
торчащих небу дико

печали перекрестный остов
высвечивает тайну угасанья
минуты сей и дня, и лета
волны тьмы задвигались и
задышали эхом
приблизились округлые кусты
и ангела спокойный круга
повторенный движеньем листьев
облаков
схождением холмов
в барочные покои горизонта

«стрекочущий мотив судьбы...»

стрекочущий мотив судьбы
часы из лавки антиквара
то хриплой сухостью скрипит
то всхлипнет то вдруг замолчит
вновь монотонно зазвучит
собьется с ритма – все сначала

а на другом отлоге гор – ребенка плач
и женский гомон
и петуха полудний говор
рассыпанные по холмам

два желто-бежевых крыла
замолкли в трепетном покое
и тихие уколы хвои
лениво брошенной к ногам

так между небом и землей
таинственный творится сговор
движение вверх и вниз схождение
встречают линию скольженья
и замирают в летнем зное
в изнемогающем покое

«ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ЛЕСА...»

возвращение из леса
возвращение из поля
речка тихого покоя
вдоль дороги
как вдоль моря
тишина как удивленье
доброты забытой бденье
дома посреди поляны
тихое пресуществование
чаепитие в беседке
долгое как разговор
лета тоненькая ветка
чертит чистый профиль гор
звезды редкие просторны
духи сумерек летают
празднично и монотонно
книгу вечера листают

Три дня осени

светло и молодо
и празднично легко
день начинает игры с тенью
он сыплет золото
сей щедрый день осенний
вслед ангелу скользящему светло

в потоки света грусть одев
ть прозрачных дерев
ть ангела на голубом покое
ть светлая как горе
и росчерк крыльев завитком
ть легконогой осени
вся в пятнах акварели
и зачерченная под ней
ть движущихся голубей

и удлиненье слез сквозь линии реки
и перья облаков сквозь голубое небо
волокна смеха плача эха
повторенные тишиной голубизной и глубиной
и сонный возглас дня
и мир божественного смысла

«КОГДА СОНЕТ ПРОТЯНЕТ РУКУ С ПЕПЛОМ...»

когда сонет протянет руку с пеплом
к сожженным позади меня мостам
послушный данности предела
квадрата белого листа
когда в мой сон обезоружен сроком
войдет обман поверженный глубоко
иллюзия победы над собой
мир и вражда заспорят вразнобой
как жалок срок как ненадежны звуки
связующие прошлое в одно
и только тусклое стекло разлуки
до времени глухой поток
в размывах завтра и сегодня
несется лавой многоводной

«ПОСМОТРИ НА НЕБО...»

посмотри на небо
– улыбнись
в этом дне неяркость
и неясность
в этом дне усталая
ненастность
и тревожная неначатая жизнь

«Звезд мерный холод...»

звезд мерный холод
пристальный полет
размеренный разбег
дыхания и ветра
и нервные размывы спектра
отчаянья и каменных забот
покалыванья памяти без сна
нависший страж у светлого предела
и цепenea переходит тело
из завтра во вчера

«Рамо порхающая муза...»

Рамо порхающая муза
плетет светящиеся узы
скользит свивается ползет
паук из света невод ткет
Лакесис la Folette насадный
и гулкий музыки полет
и бьется звук протяжный влажный
затягивая в водоворот
скольженья в светоомут
где света гулкий хрупкий холод
объемлет душу
словно грот

«ТЫ – ФОРМЫ СЛЕПОК...»

ты – формы слепок
в лаве естества
в змеящемся потоке превращений
ты – натяженье вектора без тени
ты – тень усилий без труда
ты – голос пересекающий высоты
незримые строенья и стропила
ты – заземления постыдная картина
падение высокого листа
ты – нисхожденье
вниз хожденье
ты – снисхожденье
к дремучим планам бытия
где нужен знак
остужен голос
дыханья синего без дна

из петербургского цикла

лицо из мрамора
пропорции обмера
ступенька пьедестала
держит сферу тела
надбровьев дуги
пирамида подбородка
лба квадратура

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.